

Научная статья

УДК 316.47(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2025-4-69-11-18

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН В РОССИИ: НОВЕЙШИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И СПОСОБЫ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ*

Рушан Рахимзянович Галлямов

Институт социально-экономических исследований — обособленное структурное подразделение

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия,

gal-rushan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

Аннотация. В статье рассматриваются новейшие тенденции в развитии социокультурной адаптации мигрантов в нашу страну из «мусульманских» стран ближнего и дальнего зарубежья; анализируются противоречия, формируемые этими миграциями на современном этапе; предлагаются способы оптимизации этих противоречий, необходимые в рамках осуществления вновь принятой редакции Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Делается вывод о наличии в этой сфере нескольких основных групп тенденций и основанных на них противоречий, в том числе: изменение социальной структуры и содержания миграционных потоков; преобразование социокультурного портрета современного мигранта-мусульманина; резкое и возрастающее усиление «мусульманского» миграционного потока из стран дальнего зарубежья. Формулируются направления государственной политики, необходимые для оптимизации противоречий в системе социокультурной адаптации в нашей стране мигрантов-мусульман. В качестве подобных направлений рассматриваются: а) недопущение организации этнически ориентированных махалля, инкорпорация мигрантов-мусульман в уже действующие общины; б) назначение в качестве имам-наибов имамов соответствующей преобладающей этнической группы по принципу конвенциональности; в) интеграция мигрантов через местные мечети в российскую мусульманскую общину, параллельная их инкорпорация в российский социум; г) совершенствование и распространение опыта работы центров правовой защиты и социокультурной адаптации «РОСМИГРАНТ» и подобных ему проектов; д) выделение, при разработке мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, грантов для поддержки деятельности по социокультурной адаптации мигрантов из «мусульманских» стран; е) создание специальных органов для более эффективной работы по консолидации усилий различных акторов гражданского общества и государства по социокультурной адаптации мигрантов-мусульман; ж) усиление взаимодействия с религиозными объединениями стран зарубежья по предварительной подготовке будущих мигрантов-мусульман к социокультурной адаптации в условиях Российской Федерации.

Ключевые слова: миграционная политика, социокультурная адаптация мигрантов-мусульман, новейшие тенденции и противоречия адаптации, направления и способы оптимизации социокультурной адаптации мигрантов

Для цитирования: Галлямов Р.Р. Социокультурная адаптация мигрантов из мусульманских стран в России: новейшие противоречия и способы их оптимизации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 4 (69). С. 11–18. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-11-18>.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН 075-00571-25-00 на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

Research article

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS FROM MUSLIM COUNTRIES IN RUSSIA: THE LATEST CONTRADICTIONS AND WAYS TO OPTIMIZING THEM^{*}

Rushan R. Gallyamov

Institute of Social and Economic Research — a separate structural division of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia,
gal-rushan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7080-9150>

Abstract. The article examines the latest trends in the development of socio-cultural adaptation of migrants to our country from "Muslim" countries of the near and far abroad; analyzes the contradictions formed by these migrations at the present stage; proposes ways to optimize these contradictions, necessary within the framework of the implementation of the newly adopted version of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030. It concludes that there are several main groups of trends and contradictions based on them in this area, including: changes in the social structure and content of migration flows; transformation of the socio-cultural portrait of the modern Muslim migrant; a sharp and increasing increase in the "Muslim" migration flow from countries of the far abroad. The article formulates directions of state policy necessary for optimizing contradictions in the system of socio-cultural adaptation of Muslim migrants in our country. The following areas are considered as such: a) preventing the organization of ethnically oriented mahallas, incorporation of Muslim migrants into existing communities; b) appointing imams of the corresponding predominant ethnicity as imam-naibs according to the principle of conventionality; c) integration of migrants through local mosques into the Russian Muslim community, their parallel incorporation into Russian society; d) improving and disseminating the experience of the centers for legal protection and socio-cultural adaptation "ROSMIGRANT" and similar projects; d) providing for, when developing measures to implement the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030, the allocation of grants to support activities on the socio-cultural adaptation of migrants from "Muslim" countries; e) creation of special bodies for more effective work on consolidating the efforts of various actors of civil society and the state on the socio-cultural adaptation of Muslim migrants. g) Strengthen cooperation with religious associations abroad to prepare future Muslim migrants for sociocultural adaptation in the Russian Federation.

Keywords: migration policy, sociocultural adaptation of Muslim migrants, recent trends and contradictions in adaptation, directions and methods for optimizing the sociocultural adaptation of migrants

For citation: Gallyamov R. R. Sociocultural adaptation of migrants from muslim countries in Russia: the latest contradictions and ways to optimizing them. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`nyx texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;(4(69)):11–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-11-18>.

Постановка проблемы

Российская Федерация на всех исторических этапах своего геополитического развития (Российская империя, Советский Союз, обновленная Российская Федерация) формировалась как крупнейшая держава Евразийского континента не только за счет прирастания новыми территориями, каждая из которых имела своеобразный социокультурный и духовно-

религиозный код. Социальное пространство нашей страны создавалось, в том числе, и на основе многочисленных и массовых миграций как внутри страны, так и из-за рубежа, при том, что эти перемещения населения, в преобладающей своей части, были иноязычными, инокультурными и многоконфессиональными. Именно поэтому проблема регулирования

* The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences 075-00571-25-00 for 2025 and for the planning period on 2026 and 2027.

миграции в отечественном обществе всегда имела особое, в некоторой степени основополагающее, значение. Особенно актуальными в этом смысле были этнокультурный и этноконфессиональный аспекты миграционных процессов.

Вполне закономерно поэтому, что совсем недавно — 15 октября 2025 г. в нашей стране произошло важное событие — Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил новую Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы. Этот обладающий для нашей страны стратегическим значением документ имеет относительно небольшой объем: он состоит из неполных девятнадцати страниц текста, содержит девять разделов, включающих сорок шесть лаконично изложенных пунктов. Как определено в самом тексте, пока это только концепция, но утверждающий ее Указ Президента предусматривает разработку и осуществление Плана мероприятий по ее реализации до конца текущего года,

В целом новая редакция Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, как указано в самом документе, определяет стратегические ориентиры и задачи России в сфере миграции на ближайшие пять лет. В ней, в первую очередь, закреплены приоритеты государственной политики в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе: регулирование въезда, пребывания и выезда, а также меры по совершенствованию самого процесса трудовой миграции, по социокультурной адаптации мигрантов в нашей стране [1].

Нам представляется, что отечественные ученые вместе с другими представителями российской общественности обязаны наполнить данную стратегию реальным содержанием практических рекомендаций и управлеченческих решений, рекомендуемых для исполнения государственным органам и гражданскому обществу в целом.

Общепризнанным фактом развития миграционных процессов в России является то, что фундаментальное значение здесь всегда имели и имеют их этнокультурный и этноконфессиональный аспекты. При «освоении» новых

территорий происходила миграция жителей центральных, преимущественноmonoэтнических и моноконфессиональных регионов на ее окраины. Этот процесс оказал позитивное влияние на выравнивание социально-экономического, социокультурного, политico-правового и других направлений развития нашей страны. Начиная с периода распада Советского Союза, наша страна пережила несколько волн крупномасштабных миграций, которые можно с полной ответственностью назвать «эпохой великого переселения народов». В 1990-е годы происходила массовая миграция соотечественников российского происхождения на свою историческую родину, в связи с их исходом из ставших независимыми государств, составлявших в прошлом СССР. Одновременно начала набирать обороты многочисленная трудовая миграция представителей титульных этносов из бывших советских республик, переезжающих в Россию в поисках работы с более достойной зарплатой. Эта миграция получила наибольшее развитие в первые два десятилетия текущего двадцать первого столетия. В период борьбы с пандемией COVID-19 и соответствующими ограничительными мерами миграционные процессы существенно ослабли, но уже в последующие пять лет миграционный поток восстановился и достиг допандемийных показателей.

Именно поэтому в тексте вышеназванной Концепции значительное внимание удалено формулировке целей и задач, имеющих этнокультурное и этноконфессиональное содержание. Так, в п. 16 разд. 3 Концепции поставлена «задача недопущения территориального обособления иностранных граждан, прибывающих на территорию России на постоянное место жительства» [1, с. 6], то есть предотвращения образования этнических анклавов в регионах. В п. 26 разд. 4 поставлена задача применительно к мигрантам учета многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации [1, с. 7]. В п. 28 разд. 5 предусмотрена реализация мер, предотвращающих пространственную сегрегацию, формирование этнических (полиэтнических) анклавов и маргинализацию проживающих на территории Российской Федерации иностранных граждан [1, с. 11–12].

Таким образом В. В. Путин подчеркивает, что миграция должна содействовать демографическому и экономическому развитию страны, не создавая социальных рисков.

Этноконфессиональный состав мигрантов в постсоветскую Россию

Несмотря на противоречивые статистические данные из разных источников (Росстат, МВД РФ, ФМС и др.) о количестве мигрантов в постсоветской России (эти источники указывают от 5–6 до 12–13 млн чел. в целом, от 500 до 800 тыс. прибывающих — ежегодно), во всех публикуемых материалах подчеркивается, что на протяжении последних 15 лет выходцы из бывших советских, так называемых «мусульманских», республик составляют среди мигрантов от 40 до 65 %. При этом эти мигранты в подавляющем своем большинстве состоят в этническом смысле из титульных народов (узбеки, таджики, киргизы, казахи и другие этнические группы, проживающие в соответствующих республиках), а в религиозном — из представителей исламского вероисповедания суннитского толка. Например, по данным, которые приводит религиовед из Екатеринбурга А. Старостин, уже в 2011 году среди приезжих лидировали граждане Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Киргизии. Из Узбекистана приехали 14 % от общего числа мигрантов, из — Казахстана — 10,7 %, Таджикистана — 6,75 %, Азербайджана — 6 %, Молдавии — 4,9 %, Киргизии — 3,5 % и Армении — 3,1 % [2, с. 6]. Итого доля мигрантов из традиционно мусульманских стран уже тогда составляла 40,95 %.

Как отмечает изучивший эту проблему социолог А. Х. Рахмонов, «Россия как государство сопредельное со странами Центральной Азии после распада СССР стала практически единственным направлением, куда устремились миграционные потоки из этих стран. Факторами миграционного движения стали безработица, низкая заработка плата и отсутствие перспектив в странах Средней Азии, в первую очередь, Таджикистане, Узбекистане и Киргизстане» [3, с. 203]. При этом автор, основывая свои расчеты на информации, полученной в МВД РФ, приходит к выводу о том, что за 2016–2021 гг. среди стран Центральной Азии больше всего в Россию въехало граждан Узбе-

кистана (от 3,35 до 4,94 млн ежегодно, то есть 56,3 % всех мигрантов), на втором месте — Таджикистан (от 1,89 до 3,08 млн ежегодно, то есть 31,5 % мигрантов) и на третьем — Киргизия (от 0,83 до 1,06 млн ежегодно, то есть 12,2 % мигрантов) [3, с. 205].

А по данным, зафиксированным уже в 2023 году, наиболее значительная часть приезжих (31 %) были выходцами из Таджикистана, на втором месте по численности (10 %) — приезжие из Киргизии, на Казахстан приходилось 9 % от общей численности мигрантов, на Узбекистан — 4 %. Таким образом, общая доля мигрантов из «мусульманских стран» ближнего зарубежья составляла, по последним зафиксированным данным, более 54 % [4].

Поскольку значительную часть общего миграционного потока составляют выходцы из традиционно мусульманских стран, их присутствие постоянно ощущают на себе религиозные служители мечетей почти всех российских городов: и рядовые имамы, и руководители муфтиятов. Во многих крупных российских мегаполисах именно мусульмане из стран Центральной Азии, входивших ранее в СССР, составляют значительную долю прихожан. Естественно, что мусульманское духовенство и Духовные управления мусульман (ДУМ) России начали работать с этими новыми прихожанами сначала как с верующими мусульманами, и уже в последние годы выделили работу с мигрантами в отдельное направление своей деятельности. Таким образом, как отмечают известные московские социологи, «избежать проблем мигрантам-мусульманам в период первичной адаптации могут помочь российские мусульмане, которые подскажут, как лучше подготовиться к проживанию в российских реалиях. Тема взаимоотношений мигрантов-мусульман и их российских единоверцев поддерживается во многом за счет активных действий коренных мусульман, помогающих приезжающим в страну мигрантам единоверцам адаптироваться к российским условиям» [5, с. 124].

Новейшие тенденции и противоречия в социокультурной адаптации мигрантов-мусульман в современной России

Проблема анализа миграции в Россию выходцев из так называемых «мусульманских регионов» как бывшего Советского Союза, так и из государств дальнего зарубежья, составляет большую и многоплановую тему, которую невозможно раскрыть в рамках одной статьи. Поэтому необходимо остановиться только на формулировке новейших тенденций и противоречий, на обозначении тех проблем, с которыми сталкиваются руководители религиозных мусульманских организаций, представители мусульманского духовенства на современном этапе, с точки зрения социокультурной адаптации мигрантов-мусульман. На наш взгляд, сформировались следующие направления тенденций и основанных на них противоречий.

Первое. На современном этапе осуществления миграции в Россию из числа прибывающих из мусульманских регионов бывшего Советского Союза и дальнего зарубежья значительно изменилась структура содержания самих миграционных потоков.

С одной стороны, как показывает включенное наблюдение и результаты анализа специалистов, сегодняшний социальный и духовный портрет, языковая компетентность мигранта коренным образом отличаются от того, что было еще лет 15–20 назад. Если в 1990-е и первое десятилетие 2000-х гг. в Россию приезжали бывшие граждане СССР, знакомые с советской культурой, владеющие, в определенной степени, русским языком, служившие в Советской Армии, то сегодня большинство мигрантов — это молодые люди, выросшие в независимых государствах, они практически не знают русского языка, воспитаны порой в традициях трайбализма или махалля-общинности, обладают менталитетом, радикально отличающимся от российского [6, с. 28–29].

Это требует новых подходов к работе с ними. Например, если еще совсем недавно многие мигранты-мусульмане довольствовались тем, что имам читает на джума-намаз проповедь на русском языке, что вызывало порой ожесточенные дискуссии с представителями мест-

ной общины, требовавшими дагват на родном языке, то современная мигрантская молодежь настойчиво требует проповедь от имама на узбекском, таджикском, киргизском и других этнонациональных языках.

С другой стороны, в местах концентрации работников из числа мусульман-мигрантов не-российского происхождения (рынки, предприятия, места проживания и трудоустройства) их неформальные объединения организуют собственные мусалля — молельные комнаты, чтобы иметь возможность ежедневно совершать пятикратные намазы. Существуют и стационарные молельные комнаты. Они возникают, как правило, на рынках. Специалисты насчитывают десятки подобных мусалля в каждом российском регионе [7]. Проповеди обычно ведут там не имамы, а более подготовленные в религиозном смысле прихожане, что противоречит канонам ислама.

Второе. Современный социальный портрет мигранта-мусульманина (по результатам исследований это относительно молодой, энергичный и активный во всех отношениях человек) мешает ему находиться под необходимым для достойного религиозного поведения влиянием некоторых не совсем подготовленных, преклонного возраста местных имамов. Одновременно на современном этапе в Россию приезжают на заработки мигранты, получившие у себя на родине, а то и в некоторых мусульманских учебных учреждениях дальнего зарубежья (Сирия, Египет, Турция и т.д.), довольно устойчивые и глубокие религиозные знания, превышающие по своему уровню знаний своих нынешних местных имамов. Это обстоятельство создает дополнительные трудности, так как прихожане требуют назначения «своего, более квалифицированного» имама, часто не одобряемого российскими муфтасибатами и муфтиями.

Третье. Конечно же, подавляющую часть трудовых мигрантов-мусульман составляют пока выходцы из бывших советских республик (Азербайджан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан), их число исчисляется

миллионами. Как заявил на недавнем саммите стран СНГ Президент Таджикистана И. Раҳмон, только жителей этой республики сегодня проживает в России больше миллиона. Однако, в течение нескольких последних лет в Россию резко возросла трудовая миграция из Индии, государств ближнего Востока, стран Магриба и мусульманской Африки. Только из Индии количество трудовых мигрантов, по оценкам специалистов, составляет на сегодня от 50 до 70 тыс. чел., свыше 90% из которых — мусульмане по вероисповеданию. При этом, в отличие от представителей бывших советских республик, которые еще сохранили какие-то навыки знания русского языка, родственного россиянам менталитета, понимания евразийского единства, трудовые мигранты из Индии и соседних с ней мусульманских государств являются либо вообще неграмотными, либо владеют только элементарными знаниями устного английского языка, мало известного большинству российских имамов. В этом случае необходим поиск лингвистического взаимодействия мусульманского духовенства и прихожан, так как инкорпорация этой категории мусульманских трудовых мигрантов в российскую умму и ее отдельные общины (махалля) сильно затруднена.

Четвертое. В последние годы многократно вырос поток мигрантов в Россию из стран дальнего и ближнего мусульманского зарубежья с целью получения образования в российских вузах. Так, только в Башкирии их, по последним данным, обучается около 10 тысяч [8]. Значительная часть этих студентов (по подсчетам автора — около 3 тыс.) также является вы-

ходцами из мусульманской или около мусульманской среды.

Понятно, что для полноценной социокультурной адаптации этой категории мигрантов необходимы эксклюзивные подходы и методические приемы, основанные на апеллировании к их религиозным чувствам. Тем более, что, как показывают специальные социологические исследования, одними из основных причин выбора места обучения студентами из Центральной Азии и некоторых других мусульманских регионов мира выступает этноконфессиональный состав населения в республиках Урало-Поволжья (Башкортостан, Татарстан), наличие в этом макрорегионе многочисленных мечетей и мусульманских религиозных наставников, квалифицированного в вопросах религиозного знания духовенства. Например, к числу главных факторов желания получить профессиональное образование в таком регионе России как Татарстан студенты из Средней Азии отнесли этноконфессиональную специфику этой республики [9, с. 62–76]. Автор другого аналогичного исследования на материалах опроса 843 студентов из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Турции, Ирана, а также из ряда арабских стран (Египет, Сирия, Алжир и т. д.), пришел к выводу о том, что «существующая в республике мусульманская инфраструктура удовлетворяет потребности студентов, при том, что значительная часть респондентов положительно оценивает работу религиозных и социальных учреждений, а также коммерческий сектор в сфере ислама» [10, с. 35].

Выводы и предложения по оптимизации новейших противоречий

Анализ тенденций и противоречий, выявленных автором в системе социокультурной адаптации современных мигрантов-мусульман, приезжающих в Россию, позволяет сформулировать следующие предложения по оптимизации этих процессов. Нам представляется, что достижение требований вновь утвержденной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы с целью предотвратить про-

странственную сегрегацию, формирование этнических (полиэтнических) анклавов и маргинализацию проживающих на территории Российской Федерации иностранных граждан» возможно при реализации следующих предложений:

во-первых, недопущение создания и организации в стране этнически узко ориентированных махалля, строительства соответствующих мечетей, инкорпорация прибывающих

из-за границы мигрантов-мусульман в уже действующие общине;

во-вторых, назначение в качестве имам-наибов, с предоставлением права проведения некоторых дагватов на языках нероссийских народов, из числа имамов соответствующей преобладающей этнической группы по принципу конвенциональности (представительности);

в-третьих, интеграция приезжих мигрантов через проповедь, через местные мечети и через медресе сначала в российскую мусульманскую общины, вместе с параллельной их интеграцией в российский социум;

в-четвертых, дальнейшее совершенствование и распространение на всю российскую умму опыта работы центров правовой защиты и социокультурной адаптации «РОСМИГРАНТ» и подобных ему проектов в связи с тем, что у мигрантов из стран с традиционно мусульманской культурой уровень доверия к мечетям выше, чем ко многим другим общественным институтам, занимающимся миграционной повесткой;

в-пятых, при разработке и осуществлении Плана мероприятий по реализации Концеп-

ции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы предусмотреть на конкурсной основе отдельным общинам и мечетям выделение грантов для финансовой поддержки деятельности по социокультурной адаптации мигрантов из мусульманских стран в России;

в-шестых, предусмотреть также создание и институциализацию при муфтиях специальных органов (советов, комиссий, комитетов) для более эффективной работы по консолидации усилий различных сторон (общественные организации, органы власти, представители дипломатического корпуса, духовенство, диаспоры и т.д.) по социокультурной адаптации мигрантов-мусульман;

в-седьмых, рекомендовать российским религиозным организациям мусульманского толка усилить работу по взаимодействию с муфтиями и другими религиозными объединениями стран ближнего и дальнего зарубежья по предварительной подготовке будущих мигрантов-мусульман для социокультурной адаптации в условиях Российской Федерации уже в странах исхода.

Список источников

1. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490/>.
2. Старостин А. Политика ДУМ России по социокультурной адаптации мигрантов // Islam.ru : сайт. URL: <http://islam.ru> <https://islam.ru/content/analitics/30246>. Дата публикации: 26.12. 2011.
3. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году : монография / С. В. Рязанцев [и др.]. Москва : Проспект, 2023. 448 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023.
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году : статистический бюллетень. Москва, 2024 // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://clk.ru/3QXnfF>.
5. Леденева В. Ю., Бегасилов Б. Т. Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.
6. Малашенко А. В. От адаптации к интеграции? // Актуальные вопросы социокультурной адаптации мигрантов: духовные и правовые аспекты : материалы экспертного круглого стола, Екатеринбург, 23 ноября 2022 года : сборник научных статей. Кемерово : Лазурь К., 2023. С. 28–29.
7. Старостин А. «Исламский фактор» в миграционных процессах в России // Российский совет по международным делам : официальный сайт. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/islamskiy-faktor-v-migratsionnykh-protsessakh-v-rossii/?phrase_id=184717406. Дата публикации: 10.04.2012.
8. Бирюков А. Медом им тут намазано: сколько иностранных студентов учатся в вузах республики и откуда больше всего // Уфа1 : сайт. URL: <https://ufa1.ru/text/education/2024/10/11/74198588/>. Дата публикации: 11.10.2024.
9. Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А., Оморова Н. И. Учебная миграция в Республике Татарстан: адаптация и интеграция студентов из государств Центральной Азии : монография. Казань : Артифакт, 2014. 151 с.

10. Набиулин И. Р. Особенности адаптации иностранных студентов мусульманского вероисповедания в Республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 21–36.

11. Резолюция экспертного стола //Актуальные вопросы социокультурной адаптации мигрантов: духовные и правовые аспекты : материалы экспертного круглого стола, Екатеринбург, 23 ноября 2022 года : сборник научных статей. Кемерово : Лазурь К, 2023. С. 119.

References

1. "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 No. 738. President of Russia: official site. (In Russ.). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490/>.
2. Starostin A. Policy of the Spiritual Directorate of Muslims of Russia on the socio-cultural adaptation of migrants. Islam.ru: site. (In Russ.). Available from: <http://islam.ru https://islam.ru/content/analitics/30246>. Publication date: December 26, 2011.
3. Russian society and the state in the context of the formation of a new world order: the demographic situation in 2022: monograph / S. V. Ryazantsev [et al.]. Moscow: Prospect; 2023. 448 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023. (In Russ.).
4. The Size and Migration of the Population of the Russian Federation in 2023: Statistical Bulletin. Moscow, 2024. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: <https://clck.ru/3QXnfF>.
5. Ledeneva V. Yu., Begasilov B. T. The Influence of the Religious Factor on the Integration Processes of Muslim Migrants in Russia. *Voprosy` upravleniya = Management Issues*. 2021;(1(68)):118–130. (In Russ.).
6. Malashenko A. V. From Adaptation to Integration? *Aktual`ny`e voprosy` sociokul`turnoj adaptacii migrantov: duxovny`e i pravovy`e aspekty` : materialy` e`kspertnogo kruglogo stola, Ekaterinburg, 23 noyabrya 2022 goda : sbornik nauchny`x statej = Current Issues of Sociocultural Adaptation of Migrants: Spiritual and Legal Aspects: Materials of the Expert Round Table, Yekaterinburg, November 23, 2022: Collection of Scientific Articles*. Kemerovo: Lazur K.; 2023. P. 28–29. (In Russ.).
7. Starostin A. "The Islamic Factor" in Migration Processes in Russia. Russian International Affairs Council: official website. (In Russ.). Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/islamskiy-faktor-v-migratsionnykh-protsessakh-v-rossii/?phrase_id=184717406. Publication date: April 10, 2012. (In Russ.).
8. Biryukov A. They're all covered in honey: how many foreign students study at the republic's universities and where they come from. Ufa1: site. (In Russ.). Available from: <https://ufa1.ru/text/education/2024/10/11/74198588/>. Publication date: October 11, 2024.
9. Gabdrakhmanova G. F., Sagdieva E. A., Omorova N. I. Educational migration in the Republic of Tatarstan: adaptation and integration of students from Central Asian states: monograph. Kazan: Artifact; 2014. 151 p. (In Russ.).
10. Nabiullin I. R. Features of adaptation of foreign students of the Muslim faith in the Republic of Tatarstan. *Nauchny`j rezul`tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management*. 2023;9(3):21–36. (In Russ.).
11. Resolution of the expert table. *Aktual`ny`e voprosy` sociokul`turnoj adaptacii migrantov: duxovny`e i pravovy`e aspekty` : materialy` e`kspertnogo kruglogo stola, Ekaterinburg, 23 noyabrya 2022 goda : sbornik nauchny`x statej = Current issues of socio-cultural adaptation of migrants: spiritual and legal aspects: materials of the expert round table, Yekaterinburg, November 23, 2022: collection of scientific articles*. Kemerovo: Lazur K.; 2023. P. 119. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, старший научный сотрудник сектора социально-политических исследований.

Information about the author

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Candidate of Science (Philosophical), Professor, Senior Researcher of the Department of Social and Political Research.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.